

**Бунт Ивана Карамазова как проявление
«негативной диалектики»
в компаративистском сопоставлении философии
Г. Гегеля и Т. Адорно**

Впервые в исследовательской литературе о Ф. М. Достоевском рассматривается влияние литератора на одного из ярчайших идеологов франкфуртской школы социологической мысли Т. Адорно. По мнению авторов, писатель на страницах своего романа «Братья Карамазовы» сформулировал концепт «негативной диалектики» как радикальную антитезу «позитивной диалектике» Г. Гегеля. Исследователи считают, что франкфуртцы лишь «продублировали» основные идеи Достоевского, сформулированные в главе «Бунт» романа «Братья Карамазовы», концептуализировав их до уровня неконформистской социальной философии как альтернативы устоявшемуся универсуму дискурса.

Ключевые слова: франкфуртская школа социологии; негативная диалектика; критика философии Г. Гегеля, неконформистский бунт Ивана Карамазова.

Г. Гегель по праву являлся одним из влиятельнейших мыслителей XIX и XX веков, «властителем дум» целых поколений философов Европы и России. Благодаря глобальной концепции идеалистической диалектики, у интерпретаторов его философии появилась возможность осуществлять футурологическую прогностику, ибо законы диалектики, предложенные Г. Гегелем, объективны и неотменимы. Стоит заметить, что грандиозный концепт, который создал представитель немецкой классической философии, мгновенно был использован в политических целях, причем самыми разными, порой антагонистическими, идеологическими направлениями, что, впрочем, не должно смущать подлинных «гегелианцев», для которых закон единства и борьбы противоположностей имеет аксиоматическую сущность.

Задача нашего исследования заключается в попытке интерпретации идей Г. Гегеля в романах Достоевского и философских изысканиях Т. Адорно. Стоит заметить, что два последних мыслителя крайне негативно относились к представителю немецкой классической философии, считая его «конформистскую диалектику» безжалостной и антигуманной социальной утопией, невольными жертвами которой стали сотни миллионов людей. Необходимо отметить, что Достоевский был знаком с философией Г. Гегеля и что она произвела на литератора неизгладимое впечатление. В своей замечательной монографии В. А. Бачинин отметил: «Сохранились сведения, что Достоевский питал неподдельный интерес к гегелевской философии истории и имел желание основательно с ней познакомиться. Так, в письме из Сибири от 22 февраля 1845 года он просил брата Михаила прислать ему вместе с “Критикой чистого разума” Канта также “Философию истории” Гегеля. Просьба сопровождалась весьма многозначительной припиской о том, что с этими книгами Достоевский связывает свои будущие планы» [2, с. 281].

---

* **Алексей Владимирович Лесевицкий**, преподаватель кафедры общеобразовательных и гуманитарно-социальных дисциплин Пермского филиала Финансового университета (г. Пермь).
E-mail: Lesev100@mail.ru

** **Евгений Владиславович Ляхин**, преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России (г. Пермь).
E-mail: Evgeny102@yandex.ru

В. А. Бачинин рассматривает влияние концепта «расколотого-Я» немецкого мыслителя на некоторые специфические типажи героев романов Достоевского. Бездна шизофренического безумия, воплотившаяся в объемно-панорамном психоделическом образе Ивана Карамазова, есть акт прямого влияния теории «разорванного противоречиями сознания» Г. Гегеля. Стоит отметить, что Достоевский практически в каждом крупном романе рисует нам персонажа, мучительно переживающего взаимоисключительность своих волевых импульсов, многослойность раздвоенности своего Я (Ставрогин, Версиков, Иван Карамазов и т. д.) [8]. Но мы, в отличие от В. А. Бачинина, постараемся в нашей работе более подробно рассмотреть влияние на творчество Достоевского историко-философских взглядов Г. Гегеля. Кроме того, мы попытаемся выявить степень воздействия романов Достоевского на формирование концепта «негативной диалектики» в социальной философии Т. Адорно и всей франкфуртской школы [5].

Обезличенная демонология абсолютного духа есть эманация фотографической фиксации исторического прогресса. Ступенчатое развертывание диалектического развития постулирует примат логики всеобщего над индивидуально-личностным. В рамках исторического развития абсолютный дух воплощается в великом множестве форм: в сфере морали, правовых нормах, религиозных культурах, социально-экономических процессах, в поступках великих исторических деятелей. Он выбирает на определенный отрезок времени народ, который лучше всего способен на данном этапе обеспечить более полный процесс самопознания мировым разумом самого себя.

По мнению Гегеля, немецкая нация является этносом, наиболее адекватно воспринимающим всю полноту противоречивой изменчивости абсолютного духа. Немецкий мыслитель считал, что войны, революции, межэтнические конфликты, всевозможные природные катаклизмы – это восходящие грани самопознания мировым разумом самого себя, трагедия индивидуального бытия личности не есть трагедия, а только некая важная ступень к окончательному прекращению динамики исторического процесса, высшей степени осознания свободы. Страдание отдельной личности, превращение ее в средство диалектического развития не есть трагедия, ибо эта жертва является условием окончательного торжества осознания степени свободы в рамках исторического универсума: «Мировой дух не обращает внимания даже на то, что он употребляет многочисленные человеческие поколения для работы своего сознания на себя, что он делает чудовищные затраты возникающих и гибнущих человеческих сил; он достаточно богат для такой затраты, он ведет свое дело en grand, у него достаточно народов и индивидуумов для этой траты» [3, с. 35–36].

Поразительно, но в философии Г. Гегеля есть всё: логика и ее отрицание, триединство законов диалектики, этическая и правовая проблематика и «окаменелое бесчувствие» отчужденного фиксатора бытия, но в ней нет человека, живой личности, она как бы выведена за рамки глобального универсума его идей. И в этом его радикальнейшее отличие от Достоевского, в романах которого, напротив, нет ничего, кроме внутреннего мира личности и сопутствующих экзистенциалов его существования. После данного схематичного рассмотрения исторических взглядов представителя немецкой классической философии нам хотелось бы увидеть их критические отзвуки в романе Достоевского «Братья Карамазовы», а также выявить влияние данной критики на концепт «негативной диалектики» Т. Адорно [6].

В хрестоматийном диалоге в трактате между Иваном и Алешей проводится прямая параллель с идеей Гегеля о торжестве разума в рамках исторического процесса. Достоевский сознательно синтезирует Бога и гегелевский абсолютный дух, ставит между ними знак равенства. Это ни в коей мере не противоречит концепту

немецкого мыслителя, который называл систему своих идей «философской теологией». Человек так же не в силах познать премудрость Бога, как и премудрость абсолютной идеи, следовательно, все жертвы исторического процесса, весь абсурдный кошмар человеческой жизни не напрасен, а имеет глубокий аксиологический смысл. Каждое погибающее в кровопролитных войнах и революциях поколение, люди, умершие от голода или уничтоженные палачами, являются диалектическими ступенями в процессе построения гармоничного «хрустального муравейника», конформистского принятия катастрофической действительности.

Агностицизм премудрости абсолютного разума заставляет личность принять реальное бытие как единственно возможное, принять идею трагичности существования отдельной личности, ставшей средством прогресса самопознания. Но Иван Карамазов требует от абсолютного духа поименного отчета о каждой погибающей личности, его не устраивают диалектические системы, в которых человек стал обезличенно-анонимен, превращен в материал «возникающих и гибнущих человеческих сил». Иван Карамазов возвращает свой билет Богу из чувства великого сострадания к человеку: «И если страдания детей пошли на пополнение той суммы страданий, которая необходима была для покупки истины, то я утверждаю заранее, что вся истина не стоит такой цены» [4, с. 223].

В своей статье мы утверждаем, что критика гегелевских идей в «Братьях Карамазовых» повлияла на концепт «негативной диалектики» Т. Адорно. В III части монографии идеолога франкфуртской школы под названием «Мировой дух и естественная история» содержится достаточно острая критика представителя немецкой классической философии. Например, как и Ивана Карамазова, Т. Адорно не устраивает обезличенный пафос гегелевской системы размышлений, оправдывающей трагедии целых поколений людей премудростью абсолютного разума: «Кроме того, после того как гибнет индивидуальность личности, ставшей моментом мирового духа именно потому, что эта личность определила свое время, возникает и сознание, что все было не напрасно» [1, с. 379].

Как и Иван Карамазов, Т. Адорно задает вопрос: способно ли осознание ненеприятности огромного количества жертв диалектики исторического процесса воскресить каждую ушедшую от нас личность? Буквально вторя Достоевскому, представитель франкфуртской школы настаивает на том, что философия Гегеля не видит живого человека, всеобщее всегда превалирует над индивидуально-личным, формируя конструкт универсальной системы «диалектического тоталитаризма», перманентного отчуждения от экзистенции «униженных и оскорбленных». Обезличенное и отвлеченное теоретизирование гегелевской философии заменило сострадание и любовь к ближнему: «Всеобщность, воспроизводящая жизнь, процессы ее сохранения, вместе с тем угрожает самой жизни. Власть и могущество реализующегося общего не есть идентичная сущность индивидуумов в себе (как думал Гегель), она всегда им противоположна» [1, с. 386]. По мнению Достоевского и Т. Адорно, личность не должна быть поглощена всеобщим, человек не должен быть средством социальной эволюции исторического процесса в форме поступательного движения от менее развитых ступеней развития к более развитым, она не должна быть «фортепьянной клавишей» или «винтиком» в огромной социальной машине.

В чем же трагедия Ивана Карамазова? По нашему мнению, в том, что он ощущает страдание других как свое собственное, не поражен духом «окаменелого бесчувствия» и безразличия к окружающей действительности, он не выключен из психотравмирующей реальности. Совсем как Достоевский, Т. Адорно видел в страдании надежду на спасение погибающего человечества. По мнению идеолога франкфуртской школы, равнодушие – латентное убийство другого, именно через равнодушие в умы европейцев проникла идея нацизма: «Тот, кто равнодушен, сам

убивает себя, следуя вульгарному языковому силлогизму убийца – жертва, он должен чувствовать себя приговоренным. <...> В жизни такого человека востребован холод и равнодушие – главные принципы буржуазной субъективности, в противном случае Освенцим был бы невозможен» [1, с. 449].

Идея преодоления «окаменелого бесчувствия», бунта против страдания личности и конформистской «разумной действительности» роднит позиции Достоевского и Т. Адорно в аспекте критики гегелевской философии. Обратим внимание на нервическую эмоциональную окрашенность диалога Алеши и Ивана. Выражать мысли в такой истеричной манере, как Иван, может человек, не безразличный к страданиям других людей, личность, «раненная состраданием»: «Лучше уж я останусь при неотомщенном страдании моем и неутоленном негодовании моем, хотя бы я был и не прав» [4, с. 223]. Но пикантность ситуации заключается в том, что Иван одинок, является бунтарем-одиночкой, противопоставленным сотням миллионов безличных конформистов, которые либо просто не ощущают боль экзистенции других людей, либо, ощущая страдание ближнего, делают вид, что ничего не происходит. В своей монографии «Негативная диалектика» Т. Адорно повторяет размышления Ивана Карамазова: «Реальный олицетворенный момент сообщает познанию, что страдания не должно быть, страдание должно превратиться в свое другое» [1, с. 250].

Каким образом осуществляется конформистское обезличивание масс? В концепте Гегеля содержится идеологема, что «все действительное разумно», естественно, что данная фраза не должна быть истолкована слишком прямолинейно. Но представитель немецкой классической философии настаивает на том, что государство является высшей формой самореализации абсолютной идеи в нашем материальном мире, даже тоталитарное государство имеет сакральную ценность: «Следовательно, требуется суждение о том, является ли само государство, и его законы – это *arbitrio* порядок: снимается ответственность перед теми, кто должен жить в государстве, исполняя законы» [1, с. 343]. Государство, перемалывающее миллионы человеческих жизней, делающее средством политического господства целые поколения граждан, имеет сакральную ценность, ибо оно – это эманация Бога. Таков концепт Гегеля. Но Иван Карамазов, как и Г. Адорно, не может принять подобную «разумную действительность».

Герой «Братьев Карамазовых» изумлен «окаменелым бесчувствием» людей, которых всё устраивает, «социальные рабы» довольны и буквально упоены своим бесправием, они испытывают мазохистское наслаждение от того, что политическая элита (дворяне) использует их как инструмент личного обогащения (эксплуатация крестьянства), как «пушечное мясо» в любой войне, словно некий обезличенно-анонимный объект, во всевозможных социально-экономических экспериментах (реформы или контрреформы). Иван задается вопросами: можно ли чувствовать себя счастливым в обществе, где безнаказанно отдают приказ о растерзании собаками маленького ребенка, где одни являются средством для господства других, Бог ли создал этот наполненный страданиями невинных детей мир? Одновременно его изумляет обезличенность индивидов, страх проявить недовольство подобной ситуацией, желание «приспособиться» к подобным «социальным нормам», где «всё действительное разумно», ведь конформизм предполагает реализацию жизненной стратегии «быть как все», не иметь собственных «диссидентских мыслей», терпеть многовековое рабство, страдание и унижение, прикрываемое именем Божиим.

Можно утверждать, что неконформистские эскапады Ивана Карамазова были квинтэссенцией русской социальной темы, трансформировавшейся от «религиозной проблематики» до проектов изменений социоиерархического устройства государства. Многие герои Достоевского не желают мириться с трагической и не-

справедливой реальностью: «Именно на это направлен пафос Гегеля, отдавшего мировому духу единственную действительность, эхо адского смеха на небесах. Мифическое зачатие всеобщим секуляризируется в действительное, бесконечно приспособляющееся к самому себе. Принцип реальности, которому следуют умные головы, чтобы выжить в этом мире, заворачивает их злыми чарами; индивиды тем меньше стремятся и способны сбросить его бремя, чем больше оно сокрыто волшебством; принцип реальности они принимают за жизнь» [1, с. 119–120].

Достоевский на страницах романа «Братья Карамазовы» показывает нам персонажа, который пытается преодолеть принцип реальности, ощущая его ложную сущность, но попытка сбросить его бремя не увенчалась успехом. Иван Карамазов, как носитель нонконформистского маркузианского сознания, возвращает свой билет Богу, он не готов смириться со страданием безвинных младенцев и несправедливостью этого мира. Для него сытая жизнь в огромном «хрустальном муравейнике» – это не гедонистический «маршрут величия», а дорога к тотальному рабству личности, смилившейся со своим трагическим положением, с гегелевским тезисом о том, что «всё действительное разумно».

В известном диалоге с Алешей Иван произносит: «Ну так представь же себе, что в окончательном результате я мира этого божьего – не принимаю, и хоть и знаю, что он существует, да не допускаю его вовсе. Я не Бога не принимаю, пойми ты это, я мира, им созданного, мира-то божьего не принимаю и не могу согласиться принять» [4, с. 214]. Казалось бы, бунт Ивана имеет исключительно религиозный контекст, но нам представляется, что эйдетическая конструкция романа «Братья Карамазовы» значительно сложнее, чем эманация проблемы веры и неверия, борьбы Бога и дьявола в сердцах людей. В рамках подхода франкфуртской школы социологии речь может идти не о Боге – это лишь первый пласт герменевтического анализа, – а о власти, не о религии, а о тотальном метафизическом бунте против устоявшегося социального конструкта. В рамках школы фрейдизма, основные тезисы которой легли в основу политической теории франкфуртцев, восприятие надличностного демиурга, воплотившегося в Боге, можно трактовать как проблему «Эдипова комплекса» в иерархии государства. В интерпретации фрейд-марксистов Бог – это метафизическое воплощение «сверх-Я», трансформировавшегося до уровня политической власти, устанавливающей жестокий морально-этический и правовой императив, выход за пределы которого карается разнообразными санкциями («угрызения совести», «депрессия», «суицидальные мысли», «тюремное заключение» и т. д.). Некоторые наиболее импозантные персонажи «русского Данте», такие как Кириллов или Иван Карамазов, пытаются поставить себя на место Бога, провозглашая через этот акт анархического своеволия наступление эпохи метафизических и социальных революций.

По мнению Т. Адорно, Гегель является непревзойденным апологетом конформизма, который в философии немецкого классика принял эстетическо-поэтизированные черты: «Естественно-историческая норма приспособления, с которой с мудростью завсегда пивной согласен и Гегель, гласит: нужно обломать себе рога; вот схема мирового духа проклятия общим, совершенно такая же, как и у Гегеля» [1, с. 431]. Иван Карамазов не желает приспособляться к подобной «разумной действительности» («обломать себе рога» в терминологии Т. Адорно). Но его трагедия имеет многоаспектную сущность. У него нет единомышленников, обличающих несправедливость этого мира, он один в этом отчуждении от психотравмирующей реальности. Экзистенция в состоянии отчаяния, жизнь в не своем мире «окаменелого бесчувствия» – тяжелейшая и непереносимая пытка для его внутреннего мира. В конце романа Иван сходит с ума – таковы

последствия неконформистского индивидуалистического бунта против мира страданий и слез.

Стоит отметить, что в рамках франкфуртской школы был сконструирован альтернативный гегелевской диалектике концепт, далеким предтечей которого можно с полной уверенностью назвать Достоевского. Речь может идти о двух противоположных друг другу проектах глобального мироустройства: конформистско-консервативной «положительной диалектике» Гегеля и радикально антагонистичной ей «негативной диалектике» Достоевского, Т. Адорно и Г. Маркузе.

По мнению франкфуртцев, представитель немецкой классической философии допустил фундаментальную ошибку, сделав всемирную историю ареной трагедий, несправедливости, угнетения и отчуждения. Идея «снятия» противоречия есть акт конформистского синтеза апокалиптической действительности и протестующего против такого положения вещей Я-концепта личности. Напротив, по мысли франкфуртцев, противоречие не нуждается в таком «снятии», невозможно синтезировать (примирить) зло и добро без искусственной подтасовки наличествующих фактов: «Гегель искажает сам порядок вещей, утверждая тождество, которое допускает существование нетождественного – правда, в качестве необходимо отрицательного, и недооценивает негативность, отрицательность всеобщего» [1, с. 394].

Когда Иван Карамазов возвращал свой билет всемогущему Богу, он абсолютизировал именно «негативную диалектику», отрицающую весь универсум дискурса, все миропроектное устройство. В сознании этого героя невозможно «примирить» мать разорванного собаками ребеночка и генерала-мучителя, недовольного тем, что мальчик подбил ногу его любимой борзой. Для Достоевского позитивная диалектика Гегеля, примеряющая все многообразные формы антагонистических противоречий, есть ложная модель мышления. В этой критике апологетики наличествующих форм социального устройства он сближается и с Г. Маркузе, который видел в идее тотального отрицания без «снятия» (синтеза) главный закон бурной диалектики исторического процесса [7]. По мнению франкфуртцев, конформизм всегда в стратегической перспективе приводит к нацизму, а потому Иван Карамазов гораздо больший диалектик, чем сам Гегель, утверждающий, что «всё действительное разумно»: «Освобождающая функция отрицания в философском мышлении зависит от признания, что отрицание есть положительный акт» [9, с. 144].

Таким образом, Достоевского мы можем позиционировать как одного из ярчайших предшественников франкфуртской школы социологической мысли. Русский литератор задолго до исследований Т. Адорно и Г. Маркузе на страницах своих романов предложил читающей публике концепт «негативной диалектики», радикально противопоставленной консервативно-конформистской философии Гегеля. По нашему мнению, франкфуртцы лишь перевели на язык социальной философии тот уникальный неконформистский импульс Достоевского, который столь громко прозвучал в романе «Братья Карамазовы». Возможно, «негативная диалектика» «русского Данте» является удачной альтернативой устоявшемуся универсуму дискурса.

Литература

1. Адорно Т. Негативная диалектика. – М. : АСТ, 2014. – 511 с.
2. Бачинин В. А. Достоевский: метафизика преступления (Художественная феноменология русского протомодерна). – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2001. – 412 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Философия истории // Сочинения : в IX т. – Т.VIII. – М.- Л. : Гос. соц. экон. изд-во, 1935. – 468 с.

4. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др.; ИРЛИ. – Т. 14: Братья Карамазовы : роман : в 4 ч. с эпилогом. Кн. 1–10 / текст подгот. В. Е. Ветловская, Е. И. Кийко. – Л. : Наука. Ленингр. отд.-ние, 1976. – 511 с.
5. Кац И. И., Крюков А. В., Лесевицкий А. В. Достоевский как предшественник франкфуртской школы критической социологии // Наука сегодня: фундаментальные и прикладные исследования : материалы Международной научно-практической конференции : в 2 ч. – Вологда : Маркер, 2017. – С. 126–127.
6. Лесевицкий А. В., Ляхин Е. В. Критика конформистского универсума в произведениях Ф. М. Достоевского и М. Хоркхаймера // Вестник Гуманитарного университета. – 2020. – № 1 (28). – С. 116–122.
7. Лесевицкий А. В. «Одномерный человек» как философская проблема творчества Г. Маркузе и Ф. М. Достоевского // Антро. – 2013. – № 1 (12). – С. 114–132.
8. Лесевицкий А. В. «Расколотое Я» Ивана Карамазова: диалектика разговора с чертом // Гуманитарные научные исследования. – 2015. – № 4-3 (44). – С. 33–41.
9. Маркузе Г. Критическая теория общества: Избранные работы по философии и социальной критике. – М. : АСТ, 2011. – 382 с.

Alexey Vladimirovich Lesevitsky,

Lecturer, Department of Educational, Humanitarian and Social Disciplines,
Perm Branch of the Financial University (Perm)

Evgeny Vladislavovich Lyakhin,

Lecturer, Department of State and Legal Disciplines of the Perm Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia (Perm)

The Rebellion of Ivan Karamazov as a Manifestation of «Negative Dialectics» in a Comparative Juxtaposition of the Philosophy of G. Hegel and T. Adorno

The paper considers the impact of F. M. Dostoevsky on one of the brightest ideologists of the Frankfurt school of sociological thought T. Adorno for the first time in the research literature. According to the authors, on the pages of his novel *The Brothers Karamazov* the writer formulated the concept of "negative dialectics" as a radical antithesis of the "positive dialectics" of Hegel. Researchers believe that the frankfurters only "duplicated" the main ideas of Dostoevsky, formulated in the Chapter "Rebel" of the novel "The Brothers Karamazov", conceptualizing them to the level of nonconformist social philosophy as an alternative to the established universe of discourse.

Keywords: Frankfurt school of sociology; negative dialectics; criticism of G. Hegel's philosophy; nonconformist rebellion of Ivan Karamazov.